

18+

Юрий и Аркадий

Видиневы

Собрание малоформатной прозы. Том 10

Ужасы, мистика,
фантастика, криминал,
современная проза

Юрий и Аркадий Видинеевы Собрание малоформатной прозы. Том 10. Ужасы, мистика, фантастика, криминал, современная проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609789
ISBN 9785006285262*

Аннотация

В этот сборник вошли некоторые произведения малоформатной прозы, опубликованные ранее в разных книгах: «Ведьмин день», «Трудная наука любви», «В тумане мистических тайн», «Новый аттракцион», «Я помню, как я был волком», «Разлучённые разницей в возрасте» и «В любви брода нет». Теперь для удобства читателей они объединены в один сборник и распределены по жанровым разделам. Приятного прочтения всем, кто любит хоррор, мистику, фантастику, криминальную жуть и современную прозу!

Содержание

Хоррор	5
Наказаны будут все	5
По легкомысленному принципу «Будь, что будет!»	13
Вот страсти-то какие...	18
Он давно уже не был хозяином своей судьбы и своих поступков	23
В зоне особого риска	29
Мистика	37
Ум отца, сердце матери	37
Смертельно опасная клятва	41
Перстень двуликого Януса	44
Ведьмин день	49
Он не знает ответа	56
Один из бесследно пропавших	61
Мы опоздали	66
Полёт синицы	72
В тумане мистических тайн	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Собрание малоформатной
прозы. Том 10
Ужасы, мистика,
фантастика, криминал,
современная проза**

**Юрий и Аркадий
Видинеевы**

© Юрий и Аркадий Видинеевы, 2024

ISBN 978-5-0062-8526-2 (т. 10)

ISBN 978-5-0051-0690-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хоррор

Наказаны будут все

В школе девочка получила прозвище «Ледышка». У неё были постоянно холодные ладошки и ступни ног. И глазки у неё были очень светлые и какие-то прозрачные, как льдинки. Сама Ледышка ни к кому не тянулась и к себе никого не притягивала. Поэтому не было у неё ни подруг, ни друзей.

*

Повзрослевшая Ледышка бежала, перепрыгивая через рельсы, ручка красивого чемодана оттягивала ей руку, а содержимое – грело сердце. Ночную тьму прорезали лучи тепловозных прожекторов, редкие их гудки заглушали мегафонную переключку железнодорожников и радиообъявления о прибытии и убытии пассажирских поездов. Самый короткий путь от вокзала к жилью Ледышки пролегал через железнодорожные пути и через парк культуры и отдыха. В ночное время парковые аллеи выглядели мрачновато и устрашающе, но Ледышка уже не раз благополучно пробегала по этому маршруту. И ничего! Но на этот раз путь

по плохо освещённым аллеям парка внушал ей плохое предчувствие.

«Нельзя быть такой трусихой!», – подумала Ледышка и храбро побежала в сторону парка.

*

Почему люди так беспечно относятся к своим предчувствиям, не доверяют своему «шестому чувству»?

Не потому ли, что таковы предначертания их судеб?

Не потому ли, что «чему быть, того не миновать»?

*

Чемодан со всем его богатством оказался в руках Ледышки, как внезапный подарок судьбы. Ледышка сидела в зале ожидания, когда к ней подбежала подозрительного вида девушка, попросила покараулить её чемодан (этот самый внезапный подарок судьбы) и убежала.

Далеко ей убежать не удалось. На выходе из зала ожидания её перехватила очень эффектная блондинка:

«Вот эта воровка!» – вцепилась блондинка в подозрительного вида девушку. – Задержите её!!

Сопровождавший блондинку сержант транспортной полиции взял подозрительную гражданку под руку, и все трое

проследовали куда-то.

Ледышка не сразу сообразила, как ей поступить, а когда, подхватив чемодан, она выскочила из зала ожидания вслед той троицы, то нигде её не увидела. В это время объявили посадку на поезд Ледышки, и она едва успела добежать до своего вагона.

В купе Ледышка оказалась единственным пассажиром. Она поставила чемодан на свою полку и задумалась:

«Куда мне теперь его девать? Возможно, он принадлежит той эффектной блондинке, которая опознала в подозрительной девушке воровку, а, возможно, кому-то другому. Получается, что собственник неизвестен, объявится ли он вообще, большой вопрос, а сама судьба распорядилась так, чтобы этот чемодан достался мне. Отчего бы теперь не покориться воле судьбы?»

Вопреки ожиданию, чемодан оказался незапертым. Ледышка открыла его и ахнула: её руки невольно потянулись к уложенным в нём нарядам. Никогда в жизни Ледышка не прикасалась к таким роскошным костюмам!

Ледышке захотелось примерить одно из платьев. Оно будто бы само напрашивалось на это! И Ледышке не устояла перед соблазном.

Платье оказалось ей впору.

Не слишком ли откровенно обнажает оно её стройные,

вызывающе привлекательные ножки?

«Вот и пусть обнажает!» – сладким холодком взметнулась в душе Ледышки непонятно откуда взявшаяся отвага.

Так фрагмент за фрагментом выстраивался пазл ужасной, неотвратимой беды.

И вот Ледышка уже вбежала в плохо освещённую аллею парка. Ещё минут двадцать бега с переходами на быструю ходьбу, и Ледышка окажется в своём фабричном общежитии. В их комнате шесть девчат. У каждой в прошлом мало радостей, зато много унижений, слёз и обид, но каждая надеется обрести хорошую, чистую любовь, крепкое семейное счастье, родить и воспитать трёх – четырёх детей, «вывести их в люди».

Чего ещё нужно для счастья?

О том же мечтает в душе Ледышка. Не хотела бы она, чтобы дети повторили её судьбу.

Что она видела в детстве?

Безотцовщину, алкоголичку мать, вечно угрюмого сожителя её матери, который где-то «шабашил», домой возвращался поздно, поколачивал свою вечно пьяную подругу и не обращал внимания на тихоню Ледышку.

Когда Ледышке исполнилось семнадцать лет, она вдруг из неприметного мышонка превратилась в повзрослевшую девушку с красивой фигуркой и завораживающей пластикой.

Это должно бы было стать её шансом на выход из мрака на свет, но обернулось трагедией:

Сожитель матери Ледышки узрел произошедшую в девушке перемену и начал исподтишка, как бы невзначай, лаять Ледышку, содрогавшуюся при этом от неосознаваемого страха и омерзения.

Закончилось это тем, что однажды ночью, когда мать Ледышки уснула, канув в бездну пьяного угара, её сожитель забрался в постель к Ледышке и молча, грубо, по-скотски овладел её телом.

Наутро Ледышка сбежала из дома, поступила ученицей на фабрику и получила койко-место в общежитии, где живёт и поныне. Теперь Ледышка спешит туда, мысленно любуясь собою в самом первом в её жизни наряде, так ладно облегающим её стройненькую фигурку и так откровенно (до сладкой жути!) обнажающим её очень привлекательные ножки.

Ледышке ещё невдомёк, что эта вызывающая красота может привлечь не того, кого бы ей хотелось, а трагедию с невероятно страшным концом.

Ледышке уже видится в мечтах, как она, вихрем ворвав-

шлись в свою комнату, включит там свет и растормошит всех девчат:

«Вставайте, сони-засони! Смотрите, какое платье на мне! В моём новом чемодане и для вас кое-что найдётся!»

Вот только неприятный червь сомнения вползал в её раннимую душу:

«Правильно ли я поступила в том, что решила оставить у себя чужой чемодан, приняв его за неожиданный подарок судьбы?»

Но при этом виделась Ледышке и бесспорная жизненная справедливость в том, что её судьба, долго обделявшая её радостями, вдруг смилостивилась над нею и так щедро вознаградила.

Не знала бедняжка, что справедливость её судьбы в том, чтобы вознести её на волне неожиданной радости, сделав ещё внезапнее и болезненнее падение в пропасть ужаса, невыносимых мучений и страшной смерти.

*

В самой тёмной части аллеи перед Ледышкой неожиданно появился силуэт крупного мужчины, прохрипевший издевательски-ласковым голосом:

«И куда ж это мы спешим?»

Ледышка остановилась, как вкопанная, а силуэт подшаг-

нул к ней и ударил чем-то по голове.

*

Очнулась Ледышка от увесистой гидравлической оплехи, выплеснувшей ей в лицо из большого ковша.

«Ну, что, красавица, потанцуем?» – глумливо склонился над ною бритоголовый детина с перебитым носом, искривленными в мерзопакостной улыбочке губами и злобно-похотливым взглядом садиста. – «Ты можешь кричать, звать на помощь и колотиться в истерике. Я всё это спокойненько пережду. В этом каменном мешке тебя никто, кроме меня, не услышит. А когда ты вдоволь накричишься и набесишься, я буду делать тебе так, чтобы ты жалобно стонала и молила меня о пощаде.

Вдруг я, и впрямь, тебя пощажу?»

Так начался кошмар, который длился столь долго, что время для Ледышки остановилось.

*

После смерти душа Ледышки перенеслась в некое суровое пространство, где ей открылся смысл произошедшего с нею в теле несчастной девушки.

И смысл этот был ужасен:

Жил когда-то на земле мерзавец – вместилище множества бесов, именуемых «легион». За свою богомерзскую жизнь он сотворил много зла, в том числе, он грязно надругался над множеством невинных девиц, запытал и замучил их до смерти. С той поры сатанинская душа его всякий раз после смерти переходит в очередное тело, в котором ей предстоит самой испытать такие же муки, которым она подвергала своих беспомощных жертв, пребывая в теле того злодея. И так будет продолжаться до тех пор, пока страдания этой сатанинской души не искупят всё ранее причинённое ею зло.

Но наказаны будут и те, кто будет подвергать её пыткам, действуя под влиянием всё того же полчища бесов, именуемых «легионом», а потому вовлечённые в эту кровавую карусель, которая будет кружиться до конца всех времён.

По легкомысленному принципу «Будь, что будет!»

Событие, которое ещё не произошло, уже было когда-то, уже где-то имеет место быть и хранится в глубинах Вечности, переливаясь в непостижимом уму человеческому слиянии прошедшего-настоящего-будущего. И мы живём, непривольно подчиняясь в настоящем тому, что предначертано нашим прошлым, устремляясь туда, где нас ждёт хранящееся в Вечности будущее. И нет ни начала, ни конца этому круговороту разновременного единства.

Я жил в доисторические времена, я жил тогда, когда наша планета входила в сектор заселения её существами того пространства, в котором они проживают и поныне, не имея возможности покинуть его, следуя движению Земли. Они сохранились в нашем настоящем только в мифах, воспринимаемых нами как выдумки или как заблуждения. Мы не можем верить в то, чему нет научных подтверждений. Мы не готовы признать того, что «научные подтверждения» хранятся в том секторе пространства, к которому принадлежат те мифические сущности (кентавры, минотавры, птицы с человеческими головами, люди с головами шакалов, огнедышащие драконы и иные представители того мира).

А когда в наш мир случайно попадают существа «не из нашего мира», наше сознание отказывается воспринимать их, как объективную данность, и трусливо приписывает их к расстройству нашего восприятия.

Мне было предначертано судьбой, чтобы я оказался на исходе жаркого летного дня вблизи огромного и труднопроходимого леса. Близость этого дикого и таинственного лесного массива околдовала меня его мощной и зловещей энергетикой. Этот лес, а, возможно, именно та его часть, возле которой я случайно оказался, была местом, закрытым для проникновения чужаков. Оно было оберегаемо от нежелательных посещений страшным своим колдовством, которое именуется «анормальностью».

Мне бы бежать подальше от того «аномального места»!
Но судьба удерживала меня от такого разумного решения.

Я застыл, отдав себя во власть неотвратимо надвигающейся угрозы, по легкомысленному принципу «Будь, что будет!»

С детства, сколько я себя помню, я был подвержен арахнофобии (боязнью паукообразных).

Был однажды со мною такой случай: Отец читал мне какую-то книгу «на ночь». Я любил засыпать под его чтение разных приключенческих книг. И вот, в тексте повествования прозвучало неизвестное мне тогда слово «тарантул». Я спросил у отца, что означает это странное слово.

– Тарантул – это такой большой паук, – приподнял отец руку ладонью вниз со скрюченными наподобие паучьих лап пальцами.

В тот же миг мне показалось, что это отвратительное создание вцепилось мне своими хитиновыми челюстями в мизинец левой ноги. Я в ужасе выскочил из-под одеяла с криком:

– Меня сейчас укусил тарантул!!!

И вот теперь, много лет спустя, я замороженно смотрел в лесной массив, насылающий на меня волны устрашающей энергетики. Моя душа замирала от ожидания неведомой мне опасности. Наконец, ожидание опасности переросло в готовность воспринять её «из ничего», как тогда, в пору раннего детства, когда я явственно почувствовал под одеялом укусы несуществующего тарантула.

Всё закончилось предсказуемо. Я увидел то, что могло привести меня в ужас более всего остального: Я увидел, как со стороны зловещего леса ко мне устремилось нечто. По мере приближения это «нечто» разрасталось в размерах и принимало всё более ясные очертания.

На меня набегал огромный мохнатый тарантул. Его глазки горели яростью, а гигантские челюсти двигались в готовности вонзиться в мою беззащитную плоть.

Я чудом выплыл из бездны того ужаса только с наступлением ночи. В свете полной луны я на ватных ногах добрался до человеческого жилья, постучал в первую попавшуюся избу, где одиноко живущий старик без слов понял, что я оказался жертвой колдовского наваждения, исходящего от дикого леса. Он отпоил меня каким-то отваром, накормил и уложил спать.

Наутро я почувствовал себя заново родившимся. Моё сознание ещё долго оберегало меня от остроты болезненных воспоминаний.

Спустя годы я, наконец, осмелился вспомнить всё, что произошло со мною в той аномальной зоне.

Это не было нарушением восприятий.

Чудовищных размеров тарантул был случайно попавшим в наш мир представителем иного пространства.

Подтверждение тому – повторяемость того происшествия в Вечности.

...Хотя...

Вот страсти-то какие...

Панкрат зловеще шагал по улице, оскверняя астрал нечистотами своей сатанинской ауры.

Односельчане, зная из жутких, во многом неверных и сильно преувеличенных слухов о тайных делах Панкрата, старались не попадаться ему на глаза (бережёного Бог бережёт).

Все боялись его чёрного колдовства.

Авдотья оказалась в поле зрения Панкрата, когда переходила через дорогу от колодца к своему подворью с полными вёдрами воды на коромысле. Эта девушка – молодая, стройная, сильная, с чистым и строгим лицом – не вызвала у Панкрата ни злобы, ни презрения, которые он обычно испытывал ко всем «людишкам» на радость вечно окружавшим его бесам.

«Не взять ли мне её себе в работницы?» – подумал Панкрат и решил, что Авдотья будет хорошей заменой для прежней его работницы, покончившей собой из-за его безжалостного деспотизма. – «Завтра же эта святоша будет моей служанкой!» – заключил Панкрат.

Он ошибся.

Гибелью обернётся для Панкрата эта его ошибка.

Той же ночью, сотворив немало чёрных дел, Панкрат вспомнил про Авдотью и создал её фантом. Через этот фантом Панкрат направил силу своих колдовских заклинаний на Авдотью, повелев ей явиться к нему ровно в полдень и приступить к работам в его домашнем хозяйстве.

Может ли обычная девушка устоять против силы чёрного колдуна?

Сны этой ночью были у Авдотьи тревожные, злые, пугающие непереносимыми страданиями. Проснулась она не отдохнувшей, а измученной, с тяжёлым камнем плохих предчувствий на сердце.

Авдотья пыталась вспомнить содержание своих снов, чувствовала, что в них было что-то важное, что могло бы предостеречь, убереечь её от беды, но сны не поддавались, ускользали от этих попыток, оставляя ядовитую слизь на сердце.

А камень плохих предчувствий на сердце всё разрастался, всё сильнее распирал её грудь изнутри, затрудняя дыхание, мешая сосредоточиться. В поисках облегчения Авдотья вы-

шла на улицу, и ноги сами привели её к дому чёрного колдуна.

Обмирая от страха, Авдотья одеревеневшими губами стала шептать молитвы:

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную...»

«Богородице, укрой меня от всех бед пресвятым покровом своим...»

«Ангел-хранитель мой, не покинь меня в этот жуткий мой час...»

Её бесчувственное тело, влекомое неизвестными силами, поднялось по ступенькам крыльца и открыло входную дверь.

Одновременно с открытием двери с сердца Авдотьи свалился камень, мешавший дышать и соображать. Всё стало ясно видимым, понятным и ещё более страшным, чем можно было представить.

*

Это произошло ровно в полдень.

Авдотья предстала перед Панкратом, послушная любой его воле, ожидая его приказаний.

Многие бесы обступили Авдотью со всех сторон, торжествующую победу опекаемого ими колдуна.

Каждая такая победа – это веселье для бесов!

Панкрат заговорил, и слова его входили в Авдотью, как гвозди в мягкое дерево, как приказы, которых нельзя ослушаться.

Авдотья мгновенно забыла все эти острые гвозди-приказы, как только голос Панкрата поблек, ослаб и умолк под натиском голоса громкого, как иерихонские трубы, и лучезарный ангел небесный встал между Авдотьей и колдуном.

«Это мой ангел-хранитель», – догадалась Авдотья и свалилась без чувств, но была подхвачена на руки её ангелом.

Она не видела, как окаменели от ужаса перед небесным ангелом и чёрный колдун, и бесы.

*

Очнулась Авдотья в своей постели.

Её соседка Арина тормошила Авдотью и взахлёб сыпала словами:

«Время уже за полдень, а ты всё спишь, как убитая, добудиться тебя не могу! А у нас такое происходит! Такое происходит! Ты не поверишь! Небо было чистое да ясное, как вдруг такая сильная молния сверкнула! Такой гром громыхнул! И от той молнии дом колдуна, как порох вспыхнул, и за минуту выгорел весь дотла! От колдуна одни только ко-

сти обугленные остались!

Вот страсти-то какие...»

Он давно уже не был хозяином своей судьбы и своих поступков

Экспериментально было установлено, что целостная картина всего, попадающего в поле нашего зрения, только на 50% формируется из информации, которую мы «видим».

Остальные 50% «домысливаются» нашим головным мозгом, чтобы скрепить между собою отдельные фрагменты информации, поступающей в него в качестве «увиденной», и тем самым уберечь их от полной утраты для нашего сознания.

Вот эти 50% «домысливания» и становятся объектом манипуляций для фокусников, чародеев и колдунов.

Самые сильные манипуляторы, захватив власть над 50% «домысливания», распространяют её и на остальные проценты субъективного восприятия, а, попавшие под воздействие их чар люди, «видят» то, что те повелевают им «увидеть».

О! какими страшными бывают те видения!

А иногда они бывают такими сладкими...

Но, какими горькими становятся разочарования, когда обнаруживается обман, наведённый манипуляторами!

Его карие глаза вначале пожелтели от тяжёлой обиды, а затем загорелись злобным красным огнём. Он издал утробный клокочущий рык:

«А-а-а-а!!!»

Его голова запрокинулась, на шее вздулись артерии, рык перешёл в протяжный, вселяющий ужас вой:

«У-у-у-у-у!!!»

«Экий обидчивый человек...

Подумаешь, плетью огрел его по спине за то, что лошадь моя от него, как от дикого зверя шарахнулась, вытряхнула меня из седла и умчалась, как заяц от лисы...», – испуганно пролепетал вмиг онемевшими губами молодчик, первый гуляка и забияка во всей округе, и зажмурился, не выдержав грозной силы огнём горящего взгляда.

Мощный толчок в грудь сбил забияку с ног. Страшный вой перешёл в ещё более жуткое рычание.

«Волк!!!» – взорвалось в голове у гуляки, когда, открыв глаза, он, припечатанный лопатками к земле навалившейся на него тяжёлой тушей, увидел перед своим лицом всё тот же, пылающий яростной злобой взгляд и оскаленную звериную пасть.

Время для забияки замедлило свой бег. Он не смел пошевелиться от сковавшего его ужаса. Мстительный волчий взгляд лишил его всякой воли к сопротивлению. Он снова зажмурился от страха и почувствовал, как острые волчьи клыки вгрызлись в его горло, пронзив его жгучей болью. В горле забулькала кровь, сознание взорвалось, как осколочно-фугасный снаряд, и угасло.

*

Человек подошёл к ручью и стал жадно пить холодную воду. Напившись, он долго умывался, отмывая кровь с усов и с бороды, затем отстирал от свежей крови свою рубашку. Дойдя на исходе дня до ближайшей деревни, человек осенил себя перевёрнутым чернокнижным знаменем и, выслушав телепатическое наставление невидимого Проводника, уверенно постучал в окошко одинокой, приятной во всех отношениях женщины-недотроги.

Та встретила его настороженно:

«Подать кружку воды запоздалому путнику? Это можно».

Пока она выносила из дома кружку с водой, женщина успела прикинуть, к кому направить путника на ночёвку.

Когда путник пил воду, женщина, встретившись с ним взглядами, впала в странное состояние: она вдруг стала говорить и делать всё не так, как требовала её всем известная нравственность, а совсем по-другому, будто кто-то овладел

её волей и начал управлять её словами, движениями, намерениями. В ней появилась всегда презируемая ею раскованность и игривость бессовестных похотливых кумушек, их дурашливая смешливость и неприкрытое желание отдать своё тело сильному и ненасытному самцу. Она оживлённо захлопотала, подавая к столу обильное угощение, растопила баньку, приготовила для путника чистое бельё штаны и рубашку, оставшиеся от её покойного отца, сложила всё это в предбаннике.

Купаясь после того, как путник, напарившийся, выкупавшийся, одевшийся в приготовленную ею одежду, прошёл в дом, женщина почувствовала в себе такой неудержимый прилив чувственности, которого она не знала прежде.

«Глупости!» – попробовала взять себя в руки женщина-недотрога.

«Но, какой он твёрдый, уверенный в своих силах...

Какой у него притягательный, властный взгляд, от которого в жар бросает и слабеют колени...» – подумала женщина, одеваясь. – «А вдруг он начнёт меня раздевать?»

На этот трудный вопрос у женщины не находилось ответа, и она пошла в дом, охваченная смятением, и боясь, и втайне желая от своего неожиданного гостя проявления той звериной страстности, которую она угадывала в нём безошибочным женским чутьём.

За столом женщина почувствовала, что ей доставляет удовольствие потчевать гостя кушаньями и подливать ему сладкие хмельные напитки, а он, насытившись, перехватил её выжидательно трепещущий взгляд, и она утонула в его ответном взгляде, как как в бурном водовороте.

*

Прошло три сказочно прекрасных дня, наполненных для женщины многократными и долгими воспарениями к неземному блаженству.

И наступило утро дня четвёртого – самого чёрного дня в жизни женщины: её мужчина исчез.

Не попрощавшись, не объяснившись.

Что скажут теперь о ней, о бывшей женщине-недотроги, жители их деревни?

Что может она ответить и им, и себе самой?..

*

Мужчина вновь подошёл к ручью, в котором он несколько дней назад отмывал от по-волчьей пролитой им человеческой крови свои усы и бороду, отстирывал свою рубашку, и стал

жадно пить холодную воду.

Он давно уже не был хозяином своей судьбы и своих поступков.

«В путь!» – услышал мужчина телепатическую команду своего невидимого Проводника, и его карие глаза вначале пожелтели от обиды за эту его гнусную, богопротивную подневольную жизнь, а затем запылали красным огнём его застарелой бессильной злобы.

Он издал утробный клокающий рык:

«А-а-а-а!!!»

Его голова запрокинулась, на шее вздулись артерии, рык перешёл в протяжный, вселяющий ужас вой:

«У-у-у-у-у!!!»

В зоне особого риска

Эта зона заслуживала того, чтобы описать её во всей необычности. Я и подумать не мог, что в этом месте природа может быть настолько диковинна и... страшна. Страх исходил здесь ото всего. Даже от...

Уточнять не имею права.

Дал подписку о неразглашении.

Эта зона была закрыта от посещений посторонними лицами, от авиаперелётов, замаскирована от обнаружения её объектов средствами космической разведки. Все дальние подступы к ней блокировались службой боевого охранения.

Моё научное оборудование было тщательно исследовано вундерменами научно-технического подразделения. Моя личность была перепроверена офицерами особого отдела при участии психологи-гипнолога. Выделенное мне для работы и отдыха помещение наверняка было напичкано и перенапичкано аппаратурой слежения. Вне этого помещения меня всюду сопровождали два автоматчика. На некоторых участках запланированного маршрута мне завязывали глаза.

В зоне особого риска меня оставили одного, хотя по тем видеоматериалам, с которыми меня предварительно ознакомили, я знал: всё происходящее в этой зоне отслеживается

и фиксируется с помощью технических средств.

Я приготовил к работе свою аппаратуру и приготовился к встрече с главным ужасом этих мест.

Что притягивало его сюда?

Неужели его интересовали те секреты, которые здесь охранялись по наивысшему уровню защиты?

*

Часы ожидания Ужаса текли медленно.

Я начал думать, что на этот раз Ужас не желает появляться, но, как только я окончательно пришёл к такой мысли, Ужас возник предо мною во всей своей сатанинской силе.

Меня предупреждали, что Ужас имеет много обличей. Он, будто бы, заранее знает, кто будет наблюдать его в тот или иной раз и формирует своё обличье под фобии созерцателя, как волшебник Изумрудного города из одноимённой сказочной повести А. М. Волкова. Я не знал за собой явных фобий и мне было интересно, чем будет пугать меня этот Ужас.

Он и удивил меня, и одновременно вновь подтвердил ту истину, что испугать можно, чем угодно, даже тем, что прежде воспринималось воплощением доброты, наделив предмет устрашения не обычными для него вибрациями, а теми, которые начнут в клочья разрывать психику атакуемого объекта.

Ужас возник внезапно.

Он не нуждался в том, чтобы изнурять меня нарастающим ожиданием самого главного удара, начиная с мелких покусываний, и растягивая своё садистское насыщение во времени.

Он сразу схватил меня «за жабры» и начал бить «как рыбу об лёд» с беспощадной жестокостью.

*

Помимо фобий в нашем подсознании гнездятся психические травмы различной степени тяжести. Они напоминают о себе при возникновении ситуаций, схожих с теми, в которых они были нами получены. И тогда в нас включаются защитные механизмы, мешающие принятию независимых от них решений.

Я внутренне приготовился к восприятию Ужаса, прогнозируя принятия им обличия того, кто однажды напугал меня до полусмерти, а потом ещё долгие годы преследовал меня в ночных кошмарах. Я пережил тот испуг в раннем детстве. В ту далёкую пору я входил в компанию самых дерзких и отчаянных мальчуганов на нашей улице. На соседней улице жил старик с очень устрашающей внешностью. О нём говорили, что он злобный и опасный колдун. В моих приятелях эти слухи, приправленные историями о жутких колдовских делах угрюмого, звероподобного старика, разжига-

ли озорную удаль. Они придумали нехорошее нецензурное прозвище ужасному колдуну, зарифмовали его в издевательское двестишьё и выкрикивали вслед старику, прячась за каким-нибудь забором. Я боялся поддерживать эти нападки на звероватого старика, но, находясь в компании дразнивших, ощущал себя соучастником тех опасных шалостей.

Расплата за ту «сопричастность» настигла меня внезапно, как рука разъярённой хозяйки впившаяся железной хваткой в шкуру нашкодившего котёнка: я вдруг встретился с тем колдуном один на один, нос к носу. Я тогда шёл по своей улице, а страшный-престрашный старик – по выходившему на нашу улицу переулку. Он возник передо мною из-за угла, и мы едва не столкнулись. Я испуганно глянул ему в глаза и меня кинуло в жар: я понял, что он проник своим колдовским чутьём в мою вину перед ним, и что теперь мне не избежать лютого наказания.

При мысли о колдовском наказании меня перебросило из жара в дикий холод, я будто превратился весь в ледышку, беспомощную, безвольную, падающую в пропасть, в погибель.

Я ошибся в прогнозе.

Передо мною возник идеал девичьей красоты и обаяния. Он тоже был родом из моего очень раннего детства. За всю свою теперь уже довольно долгую жизнь я не испытывал такого потрясения от девичьей красоты, как при каждой встре-

че с той девушкой. Она была на тринадцать лет старше меня. Если бы я к тому времени был уже взрослым мужчиной, меня бы не смутила такая разница в нашем возрасте, но мне было тогда пять лет. Что я мог предложить в том возрасте вполне созревшей красавице, ищущей достойного кавалера? Из всех моих физических «достоинств» у меня были только глаза, рано прозревшие к женственному началу той прекраснейшей из прекрасных. Как-то, перехватив мой не по-детски пылающий взор, она заулыбалась, склонилась надо мною и ласково потрепала меня по щеке.

«Вот это я попался... Какой стыд!!!» – мне хотелось провалиться под землю.

И вот, столько лет спустя, она вновь явилась передо мною всё в том же цветущем возрасте, всё в том же ослепительном сиянии своей непревзойдённой красоты в зоне особого риска.

Мне бы кинуться спасти её из этой смертельно опасной зоны, а я застыл в том же детском восторге, распахнув перед нею и душу, и всю свою брэнную плоть.

«Возьми меня и делай со мною, что хочешь! Я раб твой! Я вещь твоя!» – я был готов принять смерть от избытка любви.

Доведя меня до крайней степени восторженности, девушка двинулась ко мне с потрясающей грацией в каждом своём движении. Я замер в сладостном ожидании: теперь мне есть, что ей предложить от всего набора мужских достоинств, включая руку и сердце.

Внезапно движения девушки изменились, будто во всём её теле произошёл какой-то механический сбой. Её движения сделались прерывистыми, замедленными... зловещими.

Глаза её стали безумными.

В них засветился первобытный разум, лишённый человеческих эмоций.

Никакая фантазия не могла бы создать видения более жуткого, чем это.

Охвативший меня Ужас вырвал меня из этой жизни и зашвырнул в безвременье, туда, где его господство ни в чём не знает границ.

И для меня началась та вечность, в которой была только невыносимые душевные муки, превышающие человеческие силы, но легко отвоёвывающие себе всё новые и новые пространства в моих бестелесных оболочках, отторгнутых от моей тленной плоти.

*

Умереть мне не дали.

Военные медики сработали, как сказочные волшебники. Я бы не удивился, если бы мне сказали, что они окропили меня вначале мёртвой, а после – живой водой.

А ведь было от чего умереть: уровень того ужаса, кото-

рый я испытал в зоне особого риска, оказался несовместимым с жизнью.

Зато теперь я узнал, что у Ужаса не было никакого исследовательского интереса в этом особо секретном месте.

Теперь я знал, что привлекает сюда Ужас.

Его привлекает сюда... запах тайны.

Не смысловое наполнение тайны, а всего лишь её запах.

Он появляется из другого измерения и возвращался туда же, удовлетворившись наведением ужаса на обитателей особо охраняемой зоны.

Его раздражает то, что какие-то личности возомнили себя способными возвести непреодолимые преграды для несанкционированного проникновения в их пространство.

Что могут эти «возомнившие» сделать что-то против него?!

Кто они перед ним?!!

К таким выводам привели меня результаты анализа информации, собранной моей аппаратурой при моей встрече с Ужасом.

– Вы полностью исключаете риски утечки секретной информации в разведывательные структуры с помощью искусственно созданного Ужаса?

– В пределах, доступных моему оборудованию, я это полностью исключаю.

– Кто мог бы выйти за те пределы, которые доступны Вашему оборудованию?

– Считается, что на это способны маги самых высоких рангов. Но я не верю в достоверность того, о чём они величественно вещают. В нашей научной среде принято считать, что мистические глубины коварны и непредсказуемы: то, что кажется бесспорным с одного ракурса обзора, опровергается при просмотре того же самого с другого ракурса. Поэтому вещания магов нами ставятся под сомнения.

– Как избавиться от посещения нас этим Ужасом.

– Надо устранить из зоны особого риска привлекающий его запах тайны. Над этим наш коллектив поработает.

*

Наработка нашего коллектива идёт по нескольким направлениям одновременно.

Будет ли от этого толк?

Может ли обычная логика нашего научного мышления воздействовать на непознаваемую сущность неведомой нам энергетики, воплотившейся в многоликое мистическое чудовище имя которому Ужас?

Мистика

Ум отца, сердце матери

По-разному толковали святые отцы упоминание в Библии о том, ангелами ли были «сыны Божии», которые «увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал». Иные считали, что «сыны Божии» – это ангелы, другие это оспаривали. Но, всматриваясь в красоту «дочерей человеческих», можно вполне поверить в то, что и ангелы Божии не могли устоять перед нею. Что уж говорить тогда о творениях менее значительных в иерархии сущностей, сотворённых Богом Отцом? Например, о тех, которых некоторые уфологи называют «гуманоидами»? Допустим, что они на порядок (пусть даже на много порядков) умнее и могущественнее нас. Но что их ум и могущество перед красотой «дочерей человеческих», если даже ангелы Божии перед этой красотой не устояли?

*

Ребёнок родился «здоровеньким». Он казался «обыкновенным». До двухмесячного возраста ребёнок рос и разви-

вался «вполне штатно». Но уже с двухмесячного возраста он начал осознанно проявлять экстраординарные свойства. И его родители поняли, что как только об этой особенности их ребёнка узнают те, «кому следует», его от них заберут «в интересах особо важных и особо секретных». Их озабоченность была понятна и ребёнку. Все вместе они стали притворяться, будто бы малыш продолжает оставаться «обыкновенным». Чудеса своей «необыкновенности» малыш открыто совершал лишь в присутствии родителей, оберегая на телепатическом уровне их эмоции и сдерживая их неприемлемые для него родительские порывы.

Не нужно мамочке кидаться пеленать этого «необыкновенного» грудничка: Он силой мысли не позволял пеленать себя, окутал своё тельце плотным энергетическим коконом, создающим ему максимальный комфорт и стерильно отводящим от него его испражнения; он сам кормил себя теми питательными составами, которые создавал (опять-таки силой мысли), размещая их в пространстве перед собою на «энергетических подносах» и переправляя их по воздуху в свой умный ротик.

Материнские чувства противились такой самостоятельности со стороны малютки, но малыш своей мягкой, ласковой силой мысли примирял матушку со своей досадной для неё самостоятельностью.

Малыш не нуждался в том, чтобы мамочка хватал а его на руки, мурлыкала над ним, укачивала под колыбельные

припевочки, но он терпел эти пылкие проявления материнства, чтобы не лишать её этих радостей.

Отец относился к ребёнку как к существу гораздо более умному и могущественному, чем он сам. При этом отец понимал, что он является отцом лишь физического тела этого необыкновенного младенца. Но он не заморачивался вопросом о том, от какого неизвестного земной природе существа получил свои волшебные свойства его малыш.

Зачем мучить себя вопросом, на который заведомо невозможно найти ответ?

*

Сын рос и начинал поражать родителей новыми, ещё более фантастическими способностями.

К двум годам малыш уже знал всю историю земных цивилизаций, все проблемы сегодняшние и будущие на любом этапе их зарождения, развития и разрешения.

– Сын, ты можешь влиять на то, что сейчас происходит в мире?

– Да, отец. Я имею такую возможность, но обязан соблюдать незыблемость Великого Промысла, открывшегося мне до того, как я получил доступ ко всем своим возможностям.

Скажу тебе больше, отец. Тебя волнует, не представляю ли я опасность для человечества, к которому я сам при-

частен тем, что во мне твой человеческий ум, но так далёк от всего человечества в силу своих далеко не человеческих свойств?

Отвечаю на этот мучительный для тебя вопрос: Я не опасен для человечества, потому что у меня не только твой человеческий ум, но и человеческое сердце моей матери.

Сердце матери не позволит мне причинить какой-либо вред человечеству, к которому она принадлежит.

Смертельно опасная клятва

Тиночка была счастлива.

Вчера она повстречала мужчину своей мечты. У него была стоическая внешность, широкая душа и проникновенная нежность.

Всё случилось, как в сказке.

Едва увидев его, Тиночка поняла: ей нельзя его упустить! В нём она сразу увидела полный набор всего, о чём ей горячо мечталось. Он, как глоток живой воды для её души, вдруг помертвевшей от осознания недостижимости его любви: у такого мужчины должны быть толпы поклонниц, энергичных, напористых, беспощадных и беспринципных в схватке за их женское счастье. Где уж маленькой рыбке Тиночке сражаться против таких акул!

Вот, если бы он сам увидел вдруг в Тиночке свою единственную любовь!

«Всё отдам за то, чтобы этот мужчина сам подошёл ко мне, проникнувшись непреодолимой, вечной и бесконечной ко мне любовью!

Душу свою отдам за это!!

Кому угодно отдам!!!»

Сильная клятва (в сакральном смысле).

...И смертельно опасная (в том же смысле).

Её клятва была услышана там, где её лучше бы не слышали (ради сбережения от гибели Тиночкиной души).

И всё случилось, как по волшебству (хотя то было не волшебство, а страшное чёрное колдовство).

Мужчина Тиночкиной мечты отчего-то вдруг, не зная сам почему, повёл рассеянным взглядом по сторонам и ему показалось, что в мутном поле того обзора сверкнула какая-то искорка. Его взгляд (рефлекторно) прошёлся в обратном направлении, где вновь обнаружил ту искорку и (всё так же рефлекторно) сфокусировался на ней (конечно же, из праздного любопытства).

«Девушка как девушка. Так... ничего особенного».

Но тут (вот он, чёрное колдовство!) от этой «так себе девушки» искорка влетела прямо сердце, застигнув мужчину врасплох.

...И возгорелось от этой случайной искорке в мужском сердце шальное пламя!

Мужчина подошёл к бедной Тиночке и сказал ей нежные слова.

Есть контакт!

Да ещё какой!!

Свет не видел таких молниеносных слияний жарко воспылавших сердец!!!

Случилось то, о чём с безумной страстностью взывала душа Тиночки, выкрикивая страшную клятву.

*

Счастье пришло.

Это значит, что пришло время отдавать долги.

И взыскатель явился.

Он был грозным, и лик его был ужасен:

«Я предоставил тебе то счастье, о котором ты так исступлённо молилась, излив свою мольбу в никуда.

Она попала ко мне.

После её исполнения мною, ко мне теперь попала ты сама.

Отныне ты будешь делать всё, что я тебе прикажу.

Ты станешь угодницей сатаны».

*

«Всяк, вымоливший счастье у врага, заложив ему свою душу, становится угодником дьявола», – говорил когда-то Тиночке её дед.

Перстень двуликого Януса

Великой тайной было уже само существование перстня двуликого древнеримского бога Януса, старческое лицо которого видело прошлое, а молодое лицо, располагающееся с противоположной стороны его головы, видело будущее. И тайна эта была известна всякий раз только двоим из смертных, каждый из которых наследовал её в час перехода к нему главенства над всем родом от своего умирающего предшественника. Один из этих двоих непременно принадлежал к роду Морского Дракона, а другой – к роду Огненного Дракона. Два этих рода всегда находились в состоянии непримиримой вражды. Оба рода были одинаково сильны своими оккультными знаниями и уникальным магическим инструментарием.

Род Огненного Дракона многие сотни лет был обладателем магических ключей, принадлежавших когда-то двуликому богу Янусу, а род Морского Дракона – обладателем магического посоха, принадлежавшего когда-то тому же богу. Перстень двуликого Януса с изображением двуликой головы на его печатке попеременно переходил от одного из этих обладателей к другому в ходе их бесконечной борьбы между собою.

Проворачивая этот перстень на пальце в ту сторону, куда смотрит старческое божественное лицо, можно увидеть про-

шное, выискивая и находя там ответы на возникающие вопросы, а, проворачивая его в обратном направлении, можно проделывать то же самое, смотря в будущее.

Не знали обладатели этого ценнейшего магического инструмента, что в тех свойствах волшебного перстня таилось такое же насмешливое двуличие, которое было свойственно и самому двуликому Янусу.

Молодой человек с мягкими чертами лица, с печальными глазами, затуманенными пресыщенностью плотскими излишествами, с вялыми холеными руками утомлённо откинулся на спинку заднего сиденья своего роскошного автомобиля. Но данный облик «молодого человека» был иллюзорен, обманчив. За этой видимой «мягкостью», «холеной» рыхлостью, «утомлённостью» скрывался облик аскетически-суровый, нескгибаемый, могучий, наполненный великой мистической мощью. Со дня принятия главенства над своим родом и перстня двуликого Януса он стал именоваться Морским Драконом. Его автомобиль, управляемый человеком с глазами и реакциями супертяжёлой собаки элитной бойцовской породы, мчался по скоростной автомагистрали в сторону океанского побережья, туда, где Морского Дракона ожидала встреча с главой враждебного рода и их смертельная битва

за обладание перстнем двуликого Януса.

Морской Дракон прекрасно знал о том, как переменчиво и прошлое, и будущее, поэтому перед тем как выйти из автомобиля, он ещё раз прокрутил на пальце перстень в ту сторону, куда было обращено молодое лицо бога Януса. Перед его взором открылась панорама ресторанного зала, чинно восседающие за столиками посетители, почтительные официанты...

От дальнейшего просмотра картины будущего Морского Дракона отвлекла яркая фигура из настоящего. Это был Огненный Дракон в иллюзорном, обманчивом облике восхитительной красавицы с вызывающе-дразнящей походкой. Красавица проследовала в ресторан, а Морской Дракон, не теряя времени, за нею.

Час смертельной битвы приближался.

Морской Дракон вошёл в предупредительно распахнутую перед ним дверь, на глядя, одарил швейцара денежной купюрой и огляделся. Перед его взором открылась панорама ресторанного зала, чинно восседающие за столиками посетители, почтительные официанты... За отдельным столиком расположился его враг: Огненный Дракон в облике восхитительной красавицы.

Морской Дракон тоже выбрал отдельный столик и бегло

перелистал меню. Это заняло у него всего несколько секунд, но этого времени оказалось достаточно для того, чтобы его враг незаметно исчез.

Морской Дракон только усмехнулся на эту тупую уловку: как можно скрыться от обладателя перстня двуликого Януса? Но к помощи волшебного перстня ему прибегать не потребовалось. Официант передал Морскому Дракону записку, пояснив, что это от красавицы, сидевшей за тем столиком. Официант сдержанным кивком указал на тот столик, за которым перед этим сидел Огненный Дракон.

В записке было написано:

«Гостиница „Колизей“, номер 31».

Человек с глазами и реакциями супертяжёлой собаки элитной бойцовской породы, оставаясь в автомобиле Морского Дракона, зорко наблюдал за своим хозяином, чтобы в нужный момент прийти ему на помощь. Он видел, как Морской Дракон проследовал за восхитительной красавицей в ресторан, а затем – в гостиницу «Колизей».

«Не нравится мне эта дамочка», – подозрительно вглядывался в неё человек-собака, догадываясь, что интерес его хозяина к ней связан с какой-то опасностью.

Когда из гостиницы подозрительная красавица вышла в сопровождении двух амбалов, несущих на своих плечах

длинный (в рост человека) свёрток, человек-собака понял, что настало время ему действовать. Он незаметно проследовал за подозрительной троицей до причала, где амбалы, по приказу красавицы уложили свёрток на борт небольшого катера и помогли ей самой подняться туда же по трапу. В одном неудержимом броске человек-собака обездвигил вначале амбалов, а затем и красавицу. В свёртке он обнаружил своего мёртвого хозяина.

В ту же секунду человек-собака умертвил коварную красавицу, упаковал её в тот материал, из которого был скручен свёрток для тела его хозяина, привязал к новому свёртку тяжёлый камень и вывез на катере подальше от берега на корм рыбам.

*

Тело хозяина человек-собака доставил в родные края, где оно и было предано земле по обычаям их рода.

Новый глава рода Морского Дракона не узнал о перстне бога Януса (как не узнал об этом и новый глава рода Огненного Дракона), а сам перстень, перекочевавший с пальца его предшественника на палец Огненного Дракона, пребывавшего в облике красавицы, поглотила океанская пучина.

Вместе с перстнем исчезла и великая тайна о нём. Остались только догадки о том, что такой перстень был и имел ценные волшебные свойства.

Ведьмин день

Дуняшке приснился козёл. Он посмотрел на Дуняшку нагло, задиристо, выскивая в ней признаки страха перед ним. Дуняшка, в самом деле, испугалась. Почувствовав её испуг, козёл взбрыкнул, нацелил на девчушку рога и помчался на неё, как торпеда, управляемая смертником, и несущая смерть. От страха Дуняшка проснулась. Её спальню заливал лунный свет. Луна за окном была зловещей и круглой. Табло электронных часов с календарём высвечивало четыре часа утра пятницы тринадцатого числа.

«Ведьмин день», – вспомнила Дуняшка «страшилку на ночь», рассказанную ей перед сном её старшей сестрой – любительницей попугать очень впечатлительную и легко внушаемую Дуняшку.

– А что страшное случается в этот день? – спросила у зловредной сестры Дуняшка.

– Двенадцать сильнейших ведьм слетаются на шабаш и созывают на него упырей да всякую прочую нечисть, а тринадцатым и самым главным гостем на жуткий ведьмин шабаш появляется... сам сатана (!!!).

– А какой он сам из себя? – боязливо спросила Дуняшка.

– С виду – обыкновенный козёл, только сила в нём огромная и страшная.

«Кто же приснился мне этой ночью? Козёл или... сам сатана?! – в ужасе подумала Дуняшка.

Резкий звонок в дверь вывел меня из транса, в котором я бездумно дрейфовал, наблюдая случайно выстраивающиеся передо мною картины из снов и яви то одного, то другого человека. Последняя такая картина выстраивалась из сна и яви какой-то малолетки, напуганной видом козла в ночь под ведьмин день.

«Сколько глупых предрассудков захламляет головы обывателей, не умеющих распознать крупицу истины в куче разных никчёмностей! Что могут знать обыкновенные девчонки о секретах ведьминого дня?»

Я открыл дверь и впустил нежданного посетителя.

– Ну, здравствуй, Алевтина. Чем хочешь, чёрная ведьма, удивить меня в этот твой день?

– Какой же ты злой, Макарушка. Я, хоть и ведьма, да не чёрная. Тебе ли не знать того, что мы, ведьмы, цвета не имеем. Вот и я цвета не имею, а имею интерес к тебе, как к мужчине.

– Хочешь, чтобы я на тебе женился?

– Назову тебя сейчас дураком – обидишься.

– Шучу, моя подружка подколодная. Знаю, что ты «непоКАБЕЛИМА». И знаю, что тебе от меня нужно.

– Ты свою телепатию не включай, я ведь могу и заблокировать этот канал контакта. Лучше ответь на то, что успел заранее прочесть у меня в голове: будешь сопровождать меня на нашем мероприятии?

Алевтина эффектная женщина. Чертовски эффектная. Всякий сопровождающий её мужчина автоматически попадёт в ореол её дьявольской красоты (чем это не приманка для тех, кто не знает о том, кому поклоняется эта умопомрачительная красотка?).

Я знаю, кому она поклоняется и... всё же, не успеваю ответить категоричным отказом. Алевтина опережает меня атакующим блоком кодирующих фраз.

Удивительное дело: даже осознавая, что я попал под шквал кодирующих заготовок, я несколько «поплыл». С каким кровожадным хищником можно сравнить Алевтину? Понятно, что она и не волк, и не шакал, и не гиена. Пожалуй, я бы сейчас сравнил её с библейским змием, который совратил невинную Еву, склонив её к вкушению запретного плода.

Её интерес ко мне понятен: В наше время в больших городах шабаши ведьм стали проводиться не в диких, труднодоступных местах, а в шикарных коттеджных хоромаш, принадлежащих нечестиво разбогатевшим адептам ужасно-

го вселенского зла. Соответственно этому изменились многие традиции и этикет этих сатанинских сборищ. На них уже нет неопрятных, бомжеватого вида старух. Там собираются холёные, модно одетые, наароматизированные дорогущим парфюмом особы обоего пола. Для дам стало считаться престижным появляться на этих (теперь уже очень чинных, псевдовеликосветских) «раутах» в сопровождении фактурного кавалера, пусть даже не прошедшего ни таинство посвящения в культ поклонения дьяволу, ни обряд богохульной катехизации. Я вполне подходил под принятый в среде Алевтининого круга сатанистов стандарт особо престижного кавалера, и она вцепилась в меня всей своей ведьминой силой.

– Не поддамся! – молча стиснул я зубы.

– Поддашься! – молча окатила меня обволакивающим, бесстыдным взглядом Алевтина.

*

Во многих землях встречаются мрачные индивидуумы, испытывающие подсознательную тягу к темноте, которая возбуждающе щекочет им нервы, наполняет их жадой активности, опьяняет хмелем сладострастия. В их поведении угадываются признаки, свойственные тому или иному хищнику. У одних – это лютость волка, у других – коварство шакала, у третьих – вкрадчивая кровожадность гиены. Но всех

их объединяет то, что они – поклонники тьмы. Среди этих ужасных отбросов общества в некоторых землях формируются культы поклонения дьяволу. В их числе встречаются и ведьмы, и ведьмаки, и иные представители алчущих тайной власти над простыми людьми посредством запретных знаний.

Они одиноки среди людей. Их одиночество так же невыносимо, как пребывание узника в мрачных одиночных застенках. Поэтому для них, как глоток свежего воздуха после длительного удушья, – тусовка в компании точно таких же, наделённых мистической силой, но отверженных, чуждых всем окружающим.

Тайные сходки на шабаши, где общность в пороке сплачивает, как должна бы спланивать дружба, единство в борьбе за всеобщее благо и процветание, как любовь, осеняемая благословением Божьим. В этом и состоит неодолимая потребность в шабашах, организуемых нечистью в жуткие ведьмины дни.

*

«Так ты, Макарушка, будешь сопровождать меня на нашем мероприятии?» – вонзила мне в душу острое жало своей мистической властности прекрасная Алевтина.

Мне было, чем возражать.

Я не их поля ягода.

Мой научный интерес к познанию мира с использованием инструментария и методик, пригодных, в том числе, и для достижения тайной власти над окружающими, никогда не использовался и никогда не будет использоваться мною в таких губительных для своей собственной души намерениях. Жажда знаний запретна для одурманенных жаждой власти, но «свобода воли» взламывает эти предписываемые Богом запреты, и «жажда власти» сбивает с правильного пути, подхватывает в свою бурно мчащуюся стремнину, уносит в водоворот страстей, на погибель.

Но что я мог сказать об этом Алевтине, которая знала всё это ничуть не хуже меня, но до конца изведать это и прочувствовать её порывистая душа смогла лишь после того, как утратила всякий контроль над своей дальнейшей судьбой.

Страшная это участь.

– Ну, что мне ответить тебе, змеюка? Я могу сопроводить тебя в мою клинику, погрузить в медикаментозный сон и перепрограммировать твоё гадючное сознание, перенаправить его на путь смирения и милосердия.

– Я согласна...

– Что?!!

– Я согласна!!!

Прошёл год.

Скоро вновь наступит ведьмин день. Ведьмы и ведьмаки опять соберутся на свой шабаш. Мысль об этой «чёрной пятнице» прервалась появлением Алевтины:

– Макар Матвеевич! Я пока неопытная сиделка при тяжелобольных, и у меня сердце кровью обливается от сострадания к ним. Скажите, это у меня со временем пройдёт?

– Нет, милая, не пройдёт. Но со временем ты научишься с этим жить и примешь это как свой новый жизненный путь.

Он не знает ответа

Большой южный город томился в горячем мареве полуденной жары. Людские потоки струились по его тротуарам, гонимые своими заботами. Никто не хотел стоять на месте под прицельным огнём жгучих ультрафиолетовых лучей. Никто, кроме одного чудака неопределённого рода занятий и возраста, застывшего в стороне от деловито спешащих прохожих. Мужчина одет был странно, но его наряд настолько шёл ему, что не казался ни старомодным, ни не по сезону душным, хотя и был таковым. Его длиннополый чёрный сюртук был застёгнут на все пуговицы, чёрные брюки старинного покроя и чёрные штиблеты составляли гармоничный ансамбль, дополняемый чёрной тирольской шляпой. При температуре воздуха +40 градусов по Цельсию в тени почти всякий человек в таком наряде мог получить тепловой удар, но этот мужчина чувствовал себя на удивление комфортабельно. Глаза его были затенены полями шляпы, но это не мешало рассмотреть то, что по их общему виду они... не могли принадлежать человеку как биологическому виду (!).

Это были глаза...

Лёнька обомлел, увидев у этого странно одетого мужчины его НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ глаза.

Ему вспомнилось его босоное деревенское детство, родительское подворье с загонами для всякой домашней живности, и заклятый враг детворы – стервозный козёл Игнатий. Шерсть у козла Игнатия была чёрная и густая (как только не задышался он в ней во время летнего зноя?), а глаза – шальные, светло-жёлтые, с чёрными прямоугольными зрачками. Прямоугольность зрачков придавала взгляду козла демоническую суровость и наводила ужас на детвору.

Страшным был тот козёл.

Бодливым.

Но ещё страшнее оказалось увидеть такие светло-жёлтые глаза с чёрными прямоугольными зрачками у человека.

Какой же это человек?

Сразу видно, что не человек это вовсе!

Очнувшись от своего полуобморочного забытья, Лёнька обнаружил, что страшный нечеловек с козлиными глазами исчез (будто испарился!).

«Что это за чертовщина?»

*

Лёнька проверил время на своём мобильнике и ускорил шаги: до парка имени юного партизанского связного, погиб-

шего во время Великой Отечественной войны, он хотел дойти как до места первого свидания со своей обольстительной однокурсницей Клавочкой пораньше, чтобы успеть заранее купить для неё какую-нибудь милую безделушку на память (пусть почаще вспоминает о нём, глядя на этот подарок!). Неожиданно впереди замаячила ещё более обольстительная фигурка, чем у однокурсницы Клавочки. Молодая красавица (судя по виду сзади, она могла быть только восхитительной красавицей!) шла в сопровождении мужчины, одетом во всё чёрное и не по сезону жаркое.

«Да это же тот козлоглазый демон, который так внезапно испарился некоторое время назад!»

Ослепительно красивая фигурка вместе со своим попутчиком вышла на главную площадь города и вошла в подземный переход. Забыв обо всём на свете, Лёнька последовал за «фигуркой». Однажды Лёньке случилось побывать в районе Курской магнитной аномалии, где стрелки компасов начинают сходить с ума. Сейчас то же самое стало происходить с Лёнькиными целеполаганиями. Какая-то сатанинская сила исходила от женской фигурки, за которой Лёнька поплёлся, как бычок на верёвочке, как ослик за морковкой на полочке.

В подземной переходе после звуков большого города и полуденного зноя было прохладно и тихо. СЛИШКОМ прохладно. И СЛИШКОМ тихо. По Лёнькиному телу прошёл

озноб, его охватила оторопь и ощущение ирреальности. Теперь испарились куда-то не только «фигурка» со своим козлоглазым спутником, но и все, входившие за ними и перед ними.

Сплошная пустота, беззвучная, холодная и враждебная.

Охваченный плохими предчувствиями, Лёнька прошёл по пустынному переходу и поднялся по ступенькам наружу, туда, где должна бы была продолжаться обычная городская жизнь с её живыми звуками, с живыми людскими потоками, с изнуряющей, но реальной (живой!) жарой.

Ох! Не зря обуяли Лёньку его плохие предчувствия! Город, открывшийся ему после выхода из подземного перехода, показался ему чужим. Он был ирреально беззвучным, враждебно ожидающим того, что Лёнька сделает какой-то неверный шаг и навсегда останется в его беспощадном холоде, в его беззвучии и постылости.

Не помня себя от страха, Лёнька поспешил в обратный путь.

Ступеньки вниз.

Беззвучная пустота подземного перехода.

Ступеньки вверх.

Что ждёт его на поверхности? Та же чуждость? Враждебность?

Уже поднимаясь по ступенькам, ведущим наверх, Лёнька

почувствовал живое дыхание города. Ему навстречу двинулся живой людской поток, сзади слышались звуки движения такого же потока живых людей.

«Что это было со мною?

В какую западню затягивали меня «фигурка» и её козлоглазый спутник?»

Этот вопрос теперь часто мучает Лёньку ночами.

Но он не знает ответа.

Один из бесследно пропавших

Резкий крик какой-то ночной птицы прозвучал подобно глупой реплике, перебившей откровение оракула.

Что сказал бы оракул в продолжение своей мысли?

Теперь на этот вопрос нет ответа.

Так иногда бывает, что для получения очень важного знания не достаёт самой малости, но эта «малость» ускользает от понимания и вдруг оказывается совершенно недоступной, выходящей за пределы умственных возможностей своего соискателя.

«Истина была где-то рядом», – понял Герман, и острая досада на «глупую реплику» ночной птицы, на самого себя, на всю свою судьбу – вечную плутовку и обманщицу – спазмировала его горло.

«Я – неудачник! Тупица и неудачник!» – ругал себя раздосадованный неумением разгадать ускользнувшую истину Герман – автор пяти великих прорывных научных открытий, изменивших все представления о сути нашего мира.

Разгадка пришла во сне. Герман понял, как нужно входить в особое состояние, которое необходимо для путешествия по параллельным мирам.

Понял и, не раздумывая, отправился на поиски того изме-

рения, в которое звала его его плутовка и обманщица судьба.

*

Не простое это занятие – путешествие по параллельным мирам. Это как листать книгу с бесчисленным количеством страниц в поисках той единственной, ради которой взялся за этот труд.

Сколько времени может уйти на поиски?

Удастся ли найти искомую страницу?

А, если вдруг и удастся, то не окажется ли и это очередным плутовством и обманом со стороны судьбы?

Герман вспомнил, как в детстве он, в тайне от отца, сел за руль его автомобиля. Ему казалось, что он, наблюдая действия отца, всё запомнил, всё понял и без труда сумеет управлять отцовским автомобилем с такой же лёгкостью, как отец. Но он не учёл того, что новичок не настолько хорош, чтобы легко управлять мощным автомобилем, и тот, почувствовав это, сам начинает управлять неопытным новичком. То же самое происходит и с попытками новичка, визуальное изучившего действия отважного укротителя крупных хищников, тайно от укротителя, самостоятельно войти в клетку зверя.

Та первая самостоятельная поездка Германа на отцовском автомобиле закончилась тем, что он въехал в дерево.

А могло закончиться ещё хуже.

Теперь Герман – новичок в путешествиях по параллельным мирам – храбро отправился в трудный поиск, понимая, как ничтожно мала достижимость попадания в искомый мир, и как сомнительно то, что его насмешливая судьба вдруг подарит ему в некоем искомом мире нечто такое, ради чего стоит бросить всё, что было с большим трудом обретено до этого. Но в решении Германа отправиться на поиски Счастья не было глупой самонадеянности и упования «на авось». Его острый критическим ум способен был противостоять и тому, и другому, но Зов Судьбы с годами нарастал, набирался сил и обретал всё больше власти над разумом, выжидая заветного часа своей непреодолимости. И вот, наконец, когда Герман обрёл способность произвольного перемещения по параллельным мирам, час всевластия Зова Судьбы настал.

*

В ближайшем к нашему миру параллельном пространстве Герман задерживаться не стал. И не потому, что его шокировала фауна того мира, а потому, что, подчинившись Зову Судьбы, он вслушивался в его звучание, как сбившийся с дороги путник прислушивается к звуку, обещающему спасение, и стремящийся к нему по направлению, усилива-

ющею его слышимость. А представители этого ближайшего к нам мира шокировали их узнаваемостью, приходящей то из древних мифов, то рассказов очевидцев всех времён и народов.

Как они попадали в наш мир?

С гуманоидами всё ясно: они владели теми же методиками, которые открыли возможность путешествия по параллельным мирам и Герману. А как появлялись в нашем мире те, в ком преобладал примитивный разум?

Значит ли это, что в наших мирах временами открываются порталы взаимного доступа, через которые к нам «вываливаются» диковинные чупакабры, кентавры, минотавры, огнедышащие драконы, «снежные люди», люди с шакальими головами, русалки и тому подобные твари, а из нашего мира бесследно исчезают и люди, и животные, и птицы?

Пока Герман «вслушивался» в звучание Зова Судьбы, чтобы понять, следует ли ему оставаться в данном пространстве, или следовать дальше, его стали обступать чудовища-аборигены. Их приближение ускорило принятие Германо́м правильного решения не задерживаться в этой параллельной реальности.

Зов Судьбы гнал Германа и через многие следующие параллельные миры, наполненные различными чудесами. Казалось, что этим сквозным проходам уже не будет конца, но в нужном пространстве Герман, наконец, услышал, как

Зов Судьбы обрёл наисладчайшее и безукоризненно чистое звучание. Там его обступили не чудовища, а люди, наделённые многими способностями, раскрывшимися в их сознании, преобразованном эволюционным очищением от пороков, свойственных людям нашего мира.

Там Герман впервые почувствовал себя, как дома, среди своих.

В нашем ущербном мире он пополнил статистику бесследно пропавших лиц.

Мы опоздали

Есть люди, которые при виде посторонних выстраивают на лице защитную мимическую фигуру (щит с фамильным гербом) – своё защитное кредо. У Фрола эта мимическая фигура была жёсткая, колючая, энергичная. В ней читалась мощная недоверчивость, подобная активной защите, усиливающей танковую броню.

Мы с Фролом были ближайшими соседями по дачам и полными антиподами: я богател друзьями, а Фрол – деньгами. У Фрола было две главных мудрости: «Не имей сто друзей, а имей сто рублей» и «Хочешь нажить врага – дай другу деньги взаймы». Заметив во мне брезгливость к этим его «мудростям», Фрол начал меня чураться, и наши соседские отношения стали ограничиваться молчаливыми приветственными кивками, какими, по моим представлениям, обменивались противники перед дуэльной схваткой. Поэтому его внезапный визит ко мне на рассвете весьма меня удивил.

– Илья! У тебя выпить чего-нибудь найдётся?

– Заходи.

Я проводил его на кухню, достал из холодильника бутылку водки, банку маринованных огурцов, нарезал хлеба и сала.

Фрол трясущимися руками налил и выпил три рюмки крепко. Лицо его было бледным, губы нервно тряслись под пере-

стук зубов, глаза смотрели, как два насмерть перепуганных зверька. Через каждые несколько минут Фрол опасливо ози-
рался.

– Тебя кто-то преследует?

– Да, – чужим (загробным) голосом просипел Фрол и пу-
стился в сбивчивые пояснения.

Я не ожидал от него такого потока слов, но Фрола про-
рвало. Всё, что он говорил, выплёскивалось за пределы то-
го, чем он был до сих пор, поэтому он напоминал канато-
ходца над пропастью, а та пропасть была безумием. По сло-
вам Фрола, его вот уже трое суток преследует дух его давно
умершего прадеда.

Если бы Фрол был запойным пьяницей, я бы принял
его рассказ за бред, навеянный приступом белой горячки,
но Фрол был трезвенником.

Если бы этот рассказ я услышал от старой девы с неустой-
чивой психикой и «повёрнутой» на всякой чертовщине, я бы
воспринял это, как потерю ею ориентиров в метаниях между
явью и страхами перед всякого рода ирреальностью, но Фрол
был твердолобым материалистом. Он не верил в потусторон-
ний мир, а всех, кто в это верил, называл «чёкнуемыми». Всех,
даже моего знаменитого друга Арсения, имеющего удиви-
тельный дар загоризонтного видения во временном измере-
нии.

– Он мне всё знаки какие-то жёстами подаёт и злится

на меня за то, что я его жестов не понимаю. А я из-за той его злобы или умру от страха или рассудка лишусь. Хотел укрыться где-нибудь от него, этой ночью здесь, на даче, прятался, но он меня отыскал и всю ночь пугал меня своими жестами. С рассветом он, как обычно, исчез, а я сразу к тебе.

Помоги!

– Как помочь тебе, Фрол?

– Сведи меня срочно с Чёкнутым!

– С Арсением?

– Да! Скажи ему, что этот прадед – мой стопроцентный двойник. Мать говорила мне, что я – его наиточнейшая копия, вплоть до расположения родинок на спине, груди и животе. Она говорила, что у буддистов это как-то связано с реинкарнацией, но я-то не буддист! Я противник всех этих штук!

*

Арсения дома не оказалось. Я прождал его до позднего вечера.

– Ты от Фрола? – это был не вопрос, а утверждение в форме вопроса.

Зная удивительные свойства Арсения, я не удивился этому утверждению.

– Мне пришлось прервать свою медитацию в месте силы, чтобы ты не промаялся всю ночь под открытым небом,

дожидаясь моего возвращения. Мне нечем тебя порадовать. Знать, как помочь, это ещё не значит «успеть помочь».

Вот на эти слова я уже удивился.

Арсений пригласил меня в дом, заварил чай на целебных травах, а после нашего чаепития пояснил:

– Перед тем, как вернуться домой, я «прогулялся» по временным порталам, связанным с бедой Фрола. Тот информационный посыл, который я получил от тебя по телепатическому каналу, побудил меня ознакомиться с жизнью и смертью прадеда Фрола. Интересная выстроилась связь между Фролом и духом того прадеда. Причина этой связи – в смерти прадеда, произошедшей по тем непонятным закономерностям, которые именуют «случайностью».

Прадед Фрола, Фома, родственников своих не привечал, был вообще нелюдим, жил богато, но скуп, отказывая себе почти во всём. Его мучило патологическое накопительство. Наследников первой очереди у Фомы не было, а другие его не интересовали. Поэтому богатство он накапливал исключительно для себя, опасаясь «чёрного дня».

И «чёрный день» наступил, но богатство Фому не спасло.

Это случилось, когда умер один из общих родственников Фомы и матери Фрола, бывшей в ту пору ещё девицей. Её послали к Фоме с этой печальной вестью. На стук в дверь Фома не ответил. Девица вошла в дом и обнаружила, что Фома лежит в постели без видимых признаков жизни. Вызванная на освидетельствование врач – женщина запенсионного

возраста, слабо видящая и ещё менее слабо слышащая, – диагностировала: «умер своей смертью во время сна».

С тем Фому и похоронили.

Сонного.

Есть такая форма летаргического сна, распознать которую при обычном осмотре практически невозможно.

Во время приготовления тела к захоронению душа Фомы в панике металась между родственниками, пытаясь предотвратить погребение её тела. Она надрывалась в беззвучном крике, отчаянно жестикулировала, но её никто не видел и не слышал.

– Теперь эта душа решила реинкарнироваться в тело Фрола? – высказал я свою догадку.

– Ну, нет. Реинкарнация, как её понимают буддисты, происходит во время зачатия. У Фрола всё по-другому. Его тело оказалось идеально пригодным для завоевания его душой прадеда, который винил в своей смерти мать Фрола, а потому считал себя вправе на такое завоевание. Ему оставалось только дожидаться того момента, когда тело Фрола войдёт в тот возраст, в котором прервалась жизнь Фомы. Этот момент настал на час раньше, чем ты приехал ко мне, чтобы я помог Фролу.

Я возвращался назад в полном смятении чувств.

У меня не укладывалось в сознании то, о чём мне поведал Арсений.

Как такое возможно?!!

У меня отлегло от сердца, когда я увидел Фрола, поджидающего меня у входа на его дачный участок.

«Значит, все те ужасы, о которых предупредил меня Арсений, не случились?»

Приблизившись к Фролу, я вдруг почувствовал, что с ним что-то произошло. От него исходила иная энергетика. Его взгляд...

– Фрол? – я осёкся, сбившись с мысли.

– Проходи. Я не хочу тебя видеть ни сейчас, ни потом, – проговорил чужим (загробным) голосом тот, кто имел внешний облик Фрола, окатив меня холодным, отчуждающим взглядом, в котором сквозила потусторонняя, замогильная зябкость.

Полёт синицы

Мистика.

Вибрации.

Энергии.

Слияние эзотерических технологий с достижениями технологической науки.

*

Однажды группа психологов провела эксперимент на большом количестве добровольцев. Перед каждым из них психологи поставили задачу: успеть выбрать из быстро мчащегося потока рекламных сообщений то самое яркое и красивое, которое обещает получение приза в 100 000 долларов США

С заданием справились немногие. Но всего несколько человек (менее одного процента подопытных) успели разглядеть, оценить и выбрать не искомую рекламу, а ту, которая, теряясь в ярком потоке неприметной серенькой мышкой, обещала получение приза в 100 000 000 долларов США.

Кто-то не заметил её, отбрасывая всё, что отвлекает от искомой цели.

Кто-то расценил её более выгодное предложение как «замануху», призванную сбить с толку, увести от желаемой це-

ли к насмешливой «фиге с маслом».

Кто-то просто посомневался в состоятельности рекламного обещания, не оговорённого условиями проводимого эксперимента, и предпочёл надёжную «синицу в руках» прозрачному «журавлю в небе».

И только те, которые не заикливались на искомом, а внимательно отслеживали всё, что попадалось им на глаза, и посмели поверить в удачу, сделали более предпочтительный выбор.

Так мы все и идём по жизни:

Кто-то, будучи ослеплённым некой заданной целью, даже не замечает драгоценных Подарков Судьбы.

Кто-то, опасаясь подвоха от Посулов Судьбы, делает «мудрый» выбор в пользу гарантированной малости.

И лишь единицы из многих тысяч смеют поверить в Удачу и получить от Судьбы свой драгоценный джекпот.

*

Много ли счастья вмещается в коротком полёте синицы? Зато сколько раздольной мечты в дальнем перелёте журавля!

Демьян Акимович прожил долгую и, будто бы, удачливую жизнь. На его семидесятилетнем юбилее в его честь провозглашалось много высокопарно-хвалебных тостов. Для юнца подобное возвеличивание было бы стимулом к штурму новых высот, а для Демьяна Акимовича они были жалобным перезвоном мёрзлого колокольчика, заплутавшегося в снежной пурге.

Ему казалось, что это сам он затерялся в пурге, сбилсся с того пути, по которому влекло его сердце, где его ожидала не почётная старость, а Огромное Счастье.

Его «служение науке» было подобно прокладке новых путей среди непроходимых завалов валежника в глухих и неприветливых таёжных дебрях. Шеф указывал направление, а подчинённый ему коллектив, включая некогда молодого, перспективного учёного Демьяна, трудился, «не покладая рук». В этой многолетней работе Демьян заматерел, получил немало вознаграждений «за успехи в командном зачёте» и был приглашаем на «пиры» по случаю «выдающихся достижений их славного коллектива».

Ох, уж эти «пиры»!

Демьян «там был, мёд- пиво пил» («по усам текло, да в рот не попало»).

Разве такой судьбы хотела его душа?!!

Хотелось собственных подвигов, Величайших Личных Открытий!

Не для славы, а для полноты насыщения той оболочки, в которой разместилась его жизнь.

*

Старческая бессонница гонит Демьяна Акимовича к письменному столу. В дальнем его ящике блокнот с заветными мечтами его молодости. На первой странице всего три слова: «Мистика. Вибрации. Энергии».

*

Всю жизнь в глубинах подсознания Демьяна пульсировали, не давали покоя заветные мечты его молодости. Под их томлением домашняя библиотека «серьёзного, здраво-мыслящего» учёного обогатилась редкостными трактатами и древними свитками по алхимии, методиками и руководствами по различным эзотерическим практикам. Их замысловатые тексты были туманны, иносказательны и не поддавались пониманию без пояснений всезнающих гуру. Но они крепко впечатались в память и подспудно загружали работой некие участки головного мозга, ответственные за выявление

того, что неявно, за постижение непостижимого для логики линейного мышления.

И чудо произошло.

Трудыга от академической науки вдруг обрёл интуитивные способности, позволившие ему проникнуть в тайны мистических технологий, в понимание того, как прежние высокоразвитые цивилизации создавали артефакты, создание которых недоступно для наших современников.

Это были те знания, которым Демьяну Акимовичу хотелось смолоду и до старости посвятить всю свою жизнь и все силы.

Ему бы теперь иметь время для воплощения этих чудом обрётённых знаний в недра материальных носителей!

Ему бы теперь силы «для большого журавлиного полёта».

Но короток полёт синицы и короток старческий век.

То, что осталось в наследство от чудесных знаний старика, было подобно лишь малой части сложной математической формулы, а другая, главная её часть, оказалась отсечённой косой смерти.

В тумане мистических тайн

В землянке перед маленькой иконкой Спасителя день и ночь горела лампада. День и ночь с короткими перерывами на сон и на скудную трапезу молился, обращаясь сквозь иконку к Сыну Божьему, отшельник – обычный грешник, удалившийся от мирских искушений.

Линии жизни на обеих его ладонях указывали, что смерть его уже близко.

Мистика открывается лишь тому, кто способен принять её всей душой, полностью, без остатка, без малейшей крупинцы самовлюблённого критиканства. Ничтожнейшая попытка приостановить погружение в её неведомые глубины, «здравомысленно оценить», мгновенно разрушает мистицизм, вышвыривает сознание прочь.

Наша мнимая «здравость рассудка» подобна в этом случае взбесившемуся слону в лавке бесценных сокровищ, улетающих от соприкосновения с грубым материальным миром.

Погружение в мистицизм подобно вхождению в царство сна, в котором открываются способности к решению загадок, недоступных бодрствующему уму, к высотам чувств, недостижимым для бескрылого «рассудочного анализа».

Обыватель падок до «необычного», ему подавай сенсацию.

– В наших краях объявился чудило – молится целыми днями в лесной глуши, а сам с бесами дружбу водит.

– Знаем мы этих хитрецов! Кто от алиментов так прячется, кто от полиции, а кто и от бандитов.

– Бабы говорят, что он пророк.

– Слушайте больше! Пророков в наших краях не бывает! Они лишь в святых местах обретаются!

*

Отшельник пришёл в ужас, когда к нему вдруг стали приходить откровения. Началось это с того, что к нему в землянку заглянул мужчина в камуфляжном одеянии, с автоматом:

– А ну, на выход!

Отшельник молча повиновался.

– Кто таков?

– Раб Божий Михаил. По отчеству Николаевич. По фамилии Махов.

– Документы при себе есть?

Отшельник вернулся в землянку, вынес коробочку с документами.

– Ого! А орден за что?

– За Афганистан.

– Ну, брателла! Я тоже «за речкой» кровь свою проливал.

А теперь со своими бойцами беглых зеков ищу. Не видел?
И отшельник «увидел». Будто кадры из фильма.
– Да ты никак ясновидящий?

Беглых тогда взяли там, где указал отшельник.

«Господи! Откуда мне это удивительное видение? Если это во мне было наваждением от врага Твоего, то избави! Пусть враг Твой меня не мучает! А если от тебя, то остави, приму покорно как послушание воле Твоей Святой».

Вначале об этом даре узнали в тех местах, где служили бойцы, изловившие беглых зеков по наводке отшельника. Потом эта весть докатилась и до тех окрестностей, где отшельник обосновался для своих молитвенных бдений.

*

Соцопрос проводился по теме: Что хочет каждая женщина?

Одна «современная» девушка – дитя периода бездуховности – ответила:

«Денег. И секса».

Она не упомянула любовь. Эта девушка и мыслила, и жила в практично-цыничной плоскости, а любовь – это субстанция многомерная, выходящая за параметры плоскостного мировоззрения таких девушек.

Насколько и каким образом соотносимы эти далеко не конгруэнтные понятия «любовь» и «секс»?

Пожалуй, любовь без секса – это любовь, не нашедшая естественного, самой природой обусловленного воплощения, а секс без любви – это скотство.

Ни избыток денег, ни избыток секса не принесут бездуховному человеку счастья. Будет лишь бездушное насыщение, затем – скорое пресыщение, а в итоге – пустая и никчёмная судьба, как пусты и никчёмны его запросы на получение «денег» и «секса».

Миша рос и воспитывался в семье священника – человека смиренного, чистосердечного, искренно любившего Бога, как отца своего, а ближних своих, как самого себя.

С юности душа Миши жаждала настоящей любви к девушке и с чистым и добрым сердцем.

Но как-то не случилось ему встретить эту настоящую любовь.

В отшельничестве Михаил стоически усмирал потребности своей плоти непрерывным постом, а душу укреплял горячей молитвой.

«Душу – Богу, жизнь – ближним».

Но иногда накатывала на него истома тела, а в душу змеёй подколодной вползала тоска-злодейка по некой девушке с чистым и добрым сердцем, по настоящей любви. И то-

гда Михаил с ещё большим рвением начинал укрощать свою плоть постом, укреплять свою душу молитвой.

Михаил целиком уходил в заботу о братьях и сестрах своих во Христе, приходивших к нему за помощью. Иные, по молитве отшельника к Господу, получали исцеление от хвори, иные – подсказку к выходу из беспросветно тупиковых ситуаций.

От этого ухода в заботу об одном из страждущих братьев и произошло с отшельником то, что уготовила ему смерть.

Таково было предначертание свыше, отражавшееся в рисунке линий жизни на его ладонях, в том, как они обрывались, дотянувшись до рокового мгновения, завершающего короткую череду самых последних событий, переживаний и смыслов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.